

Сэл был бессилён. Единственное, что он мог сделать, – использовать кровь женщины для рун, необходимых для исцеления. Он взял её кровь из раны и начертил руны на шее, запястьях и лодыжках. Активировал их, прикладывая к ране травы и зелья. На мгновение ему показалось, что женщина пошла на поправку, но его заклинания с треском рухнули, растворившись в воздухе. — Черт! — выругался он на языке своего отца, парселтонге. Он пытался спасти стазисные руны, но было уже поздно. Они снова разрушились, не поддаваясь его воле. Сэл снова выругался. Попытка номер три закончилась тем же – руны растворились, не давая ему шанса. Отрицать было бессмысленно. Сэл закрыл глаза, стараясь не смотреть на ребенка, который сжимал маленькую ручку у рта и смотрел на свою мать, пуская слюни. — Ты... не можешь... исцелить... — начала женщина, её голос был слабым, еле слышным. Сэл вздохнул. — Да, — мягко сказал он. — Мне жаль, но я больше ничего не могу сделать. — Мой... ребенок... — прошептала женщина, её рука, слабая и безжизненная, потянулась к сыну. Сэл подтолкнул мальчика к ней, и она сжала его руку в своей. Мальчик, не понимая, что происходит, смотрел на мать, его глаза были полны тревоги. — Мама? — спросил он неуверенно. — Целитель, — прохрипела она, и Сэл посмотрел ей в глаза. — Что вам нужно, госпожа? — спросил он, чувствуя себя виноватым за свою беспомощность. Он знал, что сегодня к его кошмарам добавится ещё один страшный эпизод. В ответ на его вопрос женщина отпустила руку сына и взяла руку Сэла. Прежде чем он успел её остановить, она впилась ему в запястье зубами. Кровь потекла из раны, Сэл вздрогнул. Но женщина держала его крепко, с силой, которую он не ожидал от неё, и затем укусила себя за запястье, смешивая свою кровь с его. — Пей... мой... ребенок... — прошипела она, и мальчик, привыкший к тому, что его кормят из запястья матери, подчинился. Но он начал пить не из запястья матери. Это было запястье Сэла. Сэл уставился на ребенка, когда тот начал пить сначала смешанную кровь Сэла и матери, а затем только кровь Сэла. — Что?! — выдохнул он. — Твой... ребенок... — прошептала женщина. — Анастасий... твой... ребенок... Её глаза закрылись, и она замерла. Сэл смотрел на свое запястье и ребенка, который сосал его. Его ребенок?! ЕГО ребенок?! — Отлично, — саркастически пробормотал Сэл на парселтонге. — Я всегда мечтал о сыне, особенно о вампире-сыне! Мальчик, Анастасий, как понял Сэл, не показал, что понял его. Он продолжал сосать ещё несколько раз, а затем отпустил. Сэл вздохнул, зажил запястье и зарылся головой в руки. — И что мне теперь с тобой делать? — риторически спросил он. Мальчик посмотрел на него огромными глазами. — Дада? — произнес Анастасий, его голос был высоким и дрожащим. — Да, думаю, теперь это я, — вздохнул Сэл. Затем он посмотрел на мертвую женщину. — Я также думаю, что мы должны похоронить твоих... бывших... родителей... Он подошел к мертвому мужчине, лежащему в нескольких шагах от них, и решил сжечь их обоих. Он сделал это, а затем взял ребенка на руки и отвернулся от мертвецов. Рим потерял для него свое очарование. — Пойдем домой, Анастасий, — сказал он ребенку. — Домой? — повторил ребенок. — Да, домой. Назад в Британию. — Мама? — спросил мальчик неуверенно. — Мама уже умерла, Анастасий. Мама и папа сейчас на небесах. Они не вернуться. — Небеса? Сэл снова вздохнул и указал на полуденное небо. — Ночью ты можешь увидеть их там, наверху, они смотрят на тебя, присматривают за тобой, — сказал он ребенку. — Тебе просто нужно искать самые яркие звезды на небе. Ребенок ничего не ответил, а только уткнулся лицом в шею Сэла. Сэл был уверен, что мальчик ничего не понимал. Ему было четыре или пять лет – слишком мало, чтобы осознать смерть. Но он понимал, что его родители исчезли. Сэл знал, что мальчик скоро будет горевать. Снова вздохнув, Сэл зашагал дальше. Может быть, ему стоит найти дом неподалеку отсюда на несколько лет, пока ребенок не станет достаточно взрослым, чтобы отправиться обратно в Британию... В конце концов, Сэл поселился в маленькой деревушке в Шварцвальде, в поздней Германии. Поселение было небольшим, населенным исключительно магическими существами. Поначалу другие жители деревни относились к нему с подозрением. Анастасий был слишком молод, чтобы притворяться человеком, и жители деревни держались на расстоянии, опасаясь "двух вампиров". Прошло почти три года, пока они не поняли, что Сэл на самом деле не вампир и что им не нужно беспокоиться о ребенке-вампире, потому что он не

будет охотиться, пока ему не исполнится по крайней мере тридцать лет. До тех пор Сэл будет его единственным источником пищи. Сэл привык отдавать свою кровь ребенку. Кровь была сильной субстанцией, и обычно друид не расставался с ней легко. Давать ее ребенку было как-то... тревожно - особенно потому, что его учили, что можно делать с кровью и что случится, если кто-то другой возьмет твою кровь для своих целей. Со временем жители деревни стали принимать Сэла и Анастасию. В тот день, когда Сэл узнал, что их приняли, он узнал и о новой фамилии, которую дали им жители деревни. — Sanguinis! — назвал его один из них. — Сал Сангинис! Подожди минутку! Сэл остановился и повернулся к деревенскому жителю. — Сангинис? — спросил он. — Из крови? Они называли его "кровоавым" на латыни?! Мужчина просто пожал плечами. — Все так называют тебя и твоего сына, — ответил он. Это был также первый раз, когда кто-то назвал сына Анастасиуса сыном Сэла. — Я позвонил, чтобы сообщить тебе о собрании деревни через три ночи. Будешь ли ты там? С этого момента Сэл и Анастасий стали "Sanguinis" в сознании жителей деревни. Они начали общаться с ними, но Сэл знал, что через несколько лет им придется уехать. Анастасию нужно было увидеть мир, пока он не стал достаточно взрослым, чтобы охотиться самостоятельно. Сэл не хотел воспитывать ребенка с тем же страхом перед людьми и другими существами, который был у других вампиров. Прошло еще десять лет жизни в поселении, пока Анастасий не стал достаточно взрослым, чтобы путешествовать с ним. Прошли годы, пока Сэл, наконец, решился показать Анастасию, своей двадцатилетней дочери, которая по-прежнему выглядела на пятнадцать - вампиры выросли медленно, почти до сорока лет, - свой родной край. Так Сэл вернулся в Британию, в дом, где его ждали старые конфликты. Война между гоблинами и волшебниками, которая, казалось, должна была остаться в прошлом, вновь вспыхнула. Сэл не мог понять, как эти два народа, наконец-то познавшие мир, снова оказались на грани вражды. Он пересек поле битвы, где раненые лежали, стонали и молили о помощи. Как и всегда, Сэл не мог пройти мимо чужого горя. Он остановился, начал исцелять, не задумываясь о причинах конфликта, не выбирая, кого спасти - гоблина или волшебника. Он обучал Анастасию искусству врачевания, понимая, что сын его не слишком увлечен этой профессией, но также зная, что уметь лечить - бесценный дар. Когда все раненые были излечены, Сэл хотел уйти. Ему не хотелось вмешиваться в конфликт, особенно с Анастасиусом рядом. Но судьба распорядилась иначе. В глубине леса, куда они забрели, разыгралась новая драка. Гоблины, всего трое, пытались защитить четырех женщин и семерых детей от двадцати волшебников, затаившихся в засаде. Волшебники, казалось, были полны решимости уничтожить гоблинов.

<http://tl.rulate.ru/book/93005/3082602>